

Дмитрий Арзютов, Сергей Кан, Лаура Сирагуза
Res Publica Literaria Франца Боаса,

ИЛИ КАК ПОСТРОИТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНУЮ
АНТРОПОЛОГИЮ С ПОМОЩЬЮ ПИСЕМ

Dmitry Arzyutov, Sergei Kan, Laura Siragusa

Res Publica Literaria of Franz Boas, or How to Build Transnational Anthropology with Letters

Дмитрий Арзютов (Университет штата Огайо, ассистент-профессор; кандидат исторических наук, PhD) arzyutov.1@osu.edu.

Сергей Кан (Дартмутский колледж, профессор; PhD) sergei.a.kan@dartmouth.edu.

Лаура Сирагуза (Университет штата Огайо, старший преподаватель; PhD) siragusa.8@osu.edu.

Ключевые слова: Франц Боас, транснационализм, история антропологии, письма, Север, Сибирь

УДК: 39

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_10

В нашей статье мы стремимся пересмотреть историю взаимоотношений пионера американской антропологии Франца Боаса с его русскими коллегами и друзьями в период между 1897 и 1942 годами через «бумажные инструменты» (paper tools) или «бумажные технологии» (paper technologies) и устоявшееся, но редко применимое к истории антропологии понятие *Res Publica Literaria*. Если первые два «бумажных» понятия имеют материальное и прагматическое значение для описания производства знания, то последнее добавляет к ним транснациональное измерение. Как известно, написание, отправка и получение писем были неотъемлемой частью передачи научных знаний в интеллектуальных кругах Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени и оставались таковыми и в более поздние эпохи. Объединяя материальные и инфраструктурные понятия воедино, мы утверждаем, что собрание писем «отца американской антропологии» Франца Боаса и его российских друзей Владимира Богораза, Владимира Йохельсона и некоторых других фактически выстроило арктическую и сибирскую антропологию первой трети XX века как своеобразную *Res Publica Literaria*. Внимательное чтение этих писем поколениями историков антропологии не только выявило сеть друзей и сферы напряженности, но и, в свою очередь, сформировало генеалогию критики и анализа боасовской антропологии. Другими словами, письма были космополитическим средством транснациональной комму-

Dmitry Arzyutov (PhD; Assistant Professor, The Ohio State University) arzyutov.1@osu.edu.

Sergei Kan (PhD; Professor, Dartmouth College) sergei.a.kan@dartmouth.edu.

Laura Siragusa (PhD; Senior Lecturer, The Ohio State University) siragusa.8@osu.edu.

Key words: Franz Boas, transnationalism, history of anthropology, letters, North, Siberia

UDC: 39

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_10

In our paper, we aim to re-examine the history of relationships between the pioneer of American anthropology Franz Boas and his Russian colleagues and friends of the period between 1897 and 1942. For this purpose, we employ two epistemically intertwined concepts: the newly emerged notions of “paper tools” and “paper technologies”, and the well-established but rarely applicable to the history of anthropology concept of *Res Publica Literaria*. If the former has a very strong material and pragmatic dimension in understanding knowledge production, the latter adds to it a tendency to expand our horizons beyond national borders. As historians of science remind us, writing, sending and receiving letters were an essential part of producing scientific knowledge in intellectual circles of Renaissance and early modern Europe and remained the same in later epochs. By merging these notions together, we argue that the voluminous collection of letters of Franz Boas, Waldemar Bogoras, Waldemar Jochelson and some other American and Russian anthropologists materially constituted the pre-war Arctic and Siberian anthropology as a certain *Res Publica Literaria*. The careful reading of those letters by generations of historians of anthropology not only revealed the networks of friends and zones of tensions but also shaped the genealogy of the field. In other words, the letters were a cosmopolitan means of transnational communication of like-minded scholars who epistemically constructed transnational ethnographic regions such as the Arctic. The very material meaning of knowledge production and circulation allowed the letters to intersect the public and the private, the national and the transna-

никации ученых-единомышленников, которые эпистемически конструировали транснациональные этнографические регионы, такие как Арктика. Сам материальный смысл производства и обращения знаний позволил письмам пересекать общественное и частное, национальное и транснациональное и в результате переосмыслить интеллектуальную жизнь арктической антропологии.

tional and as a result to re-imagine the intellectual life of Arctic anthropology.

Текст настоящей статьи обсуждался на ежегодной антропологической конференции в Королевском антропологическом обществе в Лондоне (6–10 июня 2022 года) и на первой международной онлайн-конференции по истории антропологии «Doing Histories, Imagining Futures» (4–7 декабря 2023 года). Статья представляет собой значительно переработанный и сокращенный вариант введения к двухтомной архивной антологии материалов Франца Боаса: «Paper Bridges Between Franz Boas and Russian Anthropology» [Arzyutov et al. In press]. В тексте настоящей статьи мы постарались минимизировать архивные ссылки, отсылая читателя к нашему двухтомному изданию, содержащему полный корпус документов. Отдельные фрагменты статьи были опубликованы Дмитрием Арзютовым на немецком [Arzyutov 2022]. Мы благодарны Сергею Альмову (Москва, Россия), Дэвиду Андерсону (Абердин, Шотландия), Регне Дарнелл (Лондон, Онтарио, Канада), Эрику Кастену (Фюрстенберг (Хафель), Германия), Игорю Крупнику (Вашингтон, США) и Александру Першаю (Уинсор, Онтарио, Канада) за комментарии к докладам и ранним вариантам текста статьи и докладов.

I

Настоящая статья — попытка взглянуть на историю более чем сорока лет отношений одного из основателей американской культурной антропологии Франца Боаса (Franz Boas, 1858–1942) и его российских/советских коллег и друзей через обмен письмами. Несмотря на известный антропологический дискурс второй половины 1980-х годов, выросший из сборника статей «Письменная [пишущая] культура» (Writing Culture) [Clifford, Marcus 1986] и ознаменовавший «литературный поворот» в антропологии, а также наблюдаемый сегодня интерес к материальности языка в лингвистической антропологии (см.: [Cavanaugh, Shankar 2017; Siragusa, Virtanen 2021]), историки антропологии до сих пор обращают мало внимания на материальную роль писем в производстве антропологического знания. Это особенно заметно на примере истории российской антропологии, где критическое осмысление прошлого дисциплины только начинается.

Бумага и конверты, чернила, ручки и карандаши являлись необходимыми инструментами как для полевой работы, так и для кабинетного теоретизирования антропологов на протяжении всей истории дисциплины. Письма, которые мы поставили в центр нашего анализа, были важной частью материальной истории антропологии и, шире, — истории антропологического знания. Для объяснения такого бумажного производства знания современные историки науки предлагают использовать понятия бумажных инструментов (paper tools) [Jardine 2017; Klein 2001] и бумажных технологий (paper technologies)

[Foks 2020; Hess, Mendelsohn 2010]. Так, Борис Жардин в своей статье, посвященной концепции бумажных инструментов, обращает внимание, что уже сама бумага выступает материальным носителем смыслов и одновременно манипулятивной субстанцией [Jardine 2017: 54]. В своем исследовании научных практик раннего Нового времени он обращает пристальное внимание не только на письма, но и на разнообразные печатные материалы, которые циркулировали, будучи вложенными в бандероли или конверты: книги, брошюры и т.п. Как мы показываем в нашей статье, схожие процессы происходили и в эпоху, к которой принадлежал Франц Боас — главный герой нашего повествования. Его переписка со множеством ученых, общественных деятелей и бизнесменов сформировала сообщества как антропологов, так и их читателей, несмотря на тот факт, что они могли не знать друг друга лично, но могли узнавать почерк друг друга, а порой и стили зарисовок, к которым прибегали для визуального объяснения социальных и культурных явлений в поле или чтобы раскрыть свою теоретическую позицию (см.: [Glass 2018]). Все это делало письма элементами большой инфраструктуры знания, а также критическими и аффективными материальными объектами в жизни академических сообществ, что мы как историки антропологии и предлагаем проанализировать в настоящей статье.

Было бы, однако, некоторым упрощением говорить о письмах как об объектах, которые связывают исключительно ученых, сидящих в своих офисах в разных странах мира. Эпистемическая и онтологическая связь дисциплины с полевой работой [Gupta, Ferguson 1997]¹ видна и в циркуляции писем, которые выступали бумажными мостами между кабинетами и полевыми палатками этнографов, а порой связывали и их полевых партнеров². Эти письменные полевые практики, как однажды сформулировал Найджел Раппорт [Rapport 1991], могут быть сведены к записи (inscription), транскрипции (transcription) и описанию (description), которые сегодня, впрочем, значительно расширяются за счет компьютерных программ и медиаплатформ (см.: [Sanjek 1990; Sanjek, Tratner 2015]). Письма же выполняют функции всех этих трех видов записи, формируя инфраструктуру знания и ставя под вопрос концепцию историков науки об антропологии как одном из примеров «науки, делающейся на одном месте» (residential science) [Kohler 2019] (критику этой идеи см.: [Foks 2020: 726]). Другими словами, барьер между кабинетом и полем или между исследователями и информантами является слишком умозрительным для антропологов и не может быть использован в качестве теоретической рамки для описания материальной жизни писем.

Историк британской антропологии Фредди Фокс указывает, что письма, а также многочисленные каталожные карточки и цветные карандаши Бронислава Малиновского, еще одного основателя, но на этот раз британской антропологии, показывают, насколько трудно локализуемыми оказываются «бумажные технологии»:

...антропологическое поле было тесно связано с другими пространствами, в том числе с другими местами проведения полевых исследований (field sites), а также с университетским семинаром, где обсуждались полевые заметки, уточнялись и

1 На примере сибирской этнографии эта связь прослеживается в: [Arzyutov, Kan 2017].

2 Здесь стоит напомнить об огромном архиве писем Боаса и его полевых партнеров — Джеймса Тейта (James Teit) и Джорджа Ханта (George Hunt).

повторялись теории и где нормы и поведение передавались из поколения в поколение. Между тем коллективный характер этого исследования опровергает аргумент о том, что антропологические полевые исследования создали изолированный, индивидуалистический этос [Ibid.: 719].

Этот аргумент может быть перенесен и на документы и письма Франца Боаса и его российских и советских коллег и друзей, которые в переписке обменивались мнениями, решали вопросы трудоустройства, приема в аспирантуру, а также пересылали письма своих коллег другим коллегам или даже публиковали их в журналах. Это, с одной стороны, подтверждает наблюдения некоторых антропологов и историков о письмах как о «дискурсивном ключе к историческим событиям или современным явлениям, которые трудно увидеть иначе» [Ушакин, Голубев 2016: 9], а также об особом жанре научного творчества (см. статью Игоря Кузнецова в этом блоке). С другой стороны, истории писем в антропологии открывают перед нами более сложные инфраструктуры, пересекающие по большому счету иллюзорные границы между полем и кабинетом, а также между множественными организациями внутри и за пределами государственных территорий, создавая транснациональное сообщество антропологов.

И здесь мы подходим к центральной идее нашей статьи — Res Publica Literaria («Республика ученых») Франца Боаса, исследователя, который был одновременно интеллектуальным и административным центром арктической антропологии, а позже и северо-американской антропологии в целом, оказавшей среди прочего формирующее влияние на методы и теорию раннесоветской этнографии Севера, сложившейся в Ленинграде [Arzyutov, Kan 2017; Kan 2006]. Письма из поля (см. об этом жанре этнографической переписки в статьях Николая Вахтина и Елены Лярской, а также Марии Момзиковой в следующей части настоящего блока) его российских коллег Богораза и Йохельсона постепенно стали документами, наполненными эмоциями, в которых те делились своими научными идеями и личными переживаниями и тревогами, вызванными политическими событиями в России. Российская часть боасовской переписки была интертекстуально связана со множеством иных писем, которые он отправлял в самые разные уголки земного шара. Все они и формировали его Res Publica Literaria, которая, как и в раннее Новое время, объединила ученых по всей Европе и даже за ее пределами (см.: [Casanova 2004; Goodman 1996]). Параллели между двумя коммуникативными пространствами не ограничиваются тем, что в обоих случаях в них действовали ученые. Для «убежденного интернационалиста» Боаса [Price 2001: 10] английский выполнял роль латыни, как в классической Res Publica Literaria. При этом английский не был родным ни для одного из наших героев. Они выучили его либо в школе, либо, как Богораз, в ссылке или тюрьме. Более того, российская часть сети Боаса оказалась почти исключительно мужской, что опять-таки является параллелью к Res Publica Literaria. Фигура русской студентки Юлии Аверкиевой, которая провела некоторое время в Нью-Йорке и в поле среди квакиутл (Kwakwaka'wakw) под руководством Боаса, скорее всего, была исключением. Боас также связался по переписке со вдовами своих близких друзей Йохельсона и Штернберга, однако их общение оставалось достаточно формальным.

Обсуждаемые этими учеными идеи и создаваемые ими тексты сформировали несколько поколений антропологов, желавших отправиться в азиатскую часть Арктики и Сибири для продолжения исследований, начатых участни-

ками Джесуповской Тихоокеанской экспедиции 1897—1902 годов (см.: [Вахтин 2005]) — масштабного проекта по изучению истории заселения Америки, предпринятого этнографами, археологами и лингвистами. Причем письма и их мобильность были тесно переплетены как с местной инфраструктурой вроде собачьих и оленьих упряжек³, так и с развитием таких крупных социально-технологических проектов, как трансатлантические пароходы, дирижабли или транссибирская железная дорога, по которым перевозились не только грузы и люди, но и почта. Обозревая коллекцию писем экспедиции Джесупа, мы можем проследить, как письма, написанные замерзшими чернилами при тусклом свете ламп на китовом жире, перемещались в этой сложной инфраструктуре, чтобы в итоге оказаться на рабочем столе Боаса сначала в Американском музее естественной истории (далее — АМЕИ), а позже — в Колумбийском университете.

Герои нашей статьи получили и отправили сотни писем своим коллегам и родственникам. Они не только служили для обмена последними новостями, но порой могли выступать в роли контрактов на работу, полевых или финансовых отчеты, как это было особенно заметно во время экспедиции Джесупа, когда Йохельсон, Богораз и Боас составляли список обязанностей, а письма русских участников Боас позже публиковал как часть академического отчета по итогам экспедиции [Boas 1903]. Многообразное назначение писем стало тем важным обстоятельством, которое позволило сохранить часть из них в нескольких копиях, разбросанных сейчас по разным архивам в США и России. В нашем исследовании мы сосредоточились главным образом на собрании Американского философского общества.

Как и классическая *Res Publica Literaria*, боасовская «республика» сформировала также и меньшие круги академической корреспонденции, которые все же оставались связанными с Боасом. Коллекции Владимира Богораз⁴ и Льва Штернберга⁵ из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН достаточно ясно показывают, что большая часть их нероссийских контактов была установлена благодаря Боасу. Более того, попадая в почтовые ящики в разных уголках мира, письма коллег и друзей Боаса продолжали свое движение, никогда не прекращая свою жизнь на столе изначального адресата. Это возвращает нас к самому понятию *Res Publica Literaria*, где *Res Publica* буквально означает «общие вещи» и тем самым раскрывает подвижную границу между частным и публичным (см.: [Хархордин 2009]). Таким образом, письма как частная форма общения становятся тем публичным инструментом, который позволяет строить транснациональные антропологии, в нашем случае антропологию Севера, через полевые исследования, теоретические дискуссии и множественные политические действия. Письма как материальные элементы этой сложной инфраструктуры способствовали созданию новых институтов или поддержанию существующих (см.: [Hull 2012]).

Сделав эти предварительные замечания, мы обратимся к нескольким сюжетам, которые раскрывают конфигурации перемещений писем внутри *Res Publica Literaria* Франца Боаса.

3 Сашенков Е.П. Полярная почта. М.: Связь, 1975. С. 27.

4 Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 250.

5 СПФ АРАН. Ф. 282.

II

Одна из наиболее успешных и известных экспедиций в истории американской антропологии — Джесуповская Тихоокеанская экспедиция — началась с писем. Получив работу в АМЕИ в 1895 году, Франц Боас как эмигрант из Германии не только стремился выстроить отношения с новыми для него американскими коллегами, но и поддерживал тесные контакты со своими старыми знакомыми в Западной и Центральной Европе. Уже после первых поездок по Баффиновой Земле в Канаде он задумал крупный проект по международному изучению Арктики с фокусом на истории заселения Америки коренным населением (см.: [Cole 1999; Müller-Wille 2014; Zumwalt 2019; 2022]). И вот, оказавшись в США и получив возможность реализовать эту мечту на деньги Мориса Джесупа, американского филантропа и президента АМЕИ, он немедленно приступил к активному обмену письмами в поисках подходящих участников для этого предприятия. Сама история Джесуповской экспедиции относительно хорошо изучена (см.: [Kendall, Krupnik 2003; Krupnik, Fitzhugh 2001] и др.); мы же остановимся только на роли писем в организации экспедиции.

Зная немецкий, английский и другие европейские языки, а также, вероятно, ограниченно понимая русский язык [Zumwalt 2019: 13], Боас пытается осмыслить гигантский корпус этнографических, археологических и лингвистических материалов и идей, которые могли бы быть использованы для этого грандиозного проекта (см. историю «эскимосологии» в: [Krupnik 2016]). Он пишет письма своим коллегам в Европу и европейским исследователям, живущим и работающим в США. Именно в период между 1895 и 1897 годами и начинает складываться будущая боасовская *Res Publica Literaria*, которая, в свою очередь, очертила контуры формирующейся транснациональной арктической антропологии. Письменные рекомендации его знакомых, норвежско-американского натуралиста Леонарда Стейнегера и датского китаиста Густава Шлегеля, приводят его к австрийскому синологу Эрвину фон Цаху, который и должен был первым отправиться в Сибирь изучать языки местного населения и проанализировать этнографические и, возможно, археологические данные, чтобы помочь Боасу в построении его теорий древних миграций через Берингов пролив. Цепи рекомендаций и перенаправлений переписки позволяли Боасу все лучше и лучше понимать, кто из его коллег мог бы взять на себя риск и ответственность, чтобы прожить продолжительное время в Сибири и привезти уникальные сведения из поля, которые могли бы стать полезными для американских антропологов.

Информация об экспедиции начала стремительно циркулировать в Европе и США через письма и газеты. Так, археолог-выпускник Университет штата Огайо Джерард Фоук, увидев информацию об экспедиции в газете, написал письмо президенту АМЕИ Фредерику Патнэму, а уже вскоре и Боасу, предложив им свои услуги. Исследование сети писем внутри США показывает, что Боас предполагал отправить в поле китаиста Бертольда Лауфера, бывшего, как и сам Боас, немецким эмигрантом. В связи с отказом фон Цаха по неизвестной нам причине участвовать в экспедиции перед Боасом встала острая необходимость создать сибирскую команду, для которой у него не оставалось никого, кроме Лауфера и столь неожиданно появившегося Фоука.

Казалось бы, эти переговоры и переписка должны были успокоить Боаса и дать ему возможность приступить к реализации проекта. Однако уже на

уровне переписки ему становилось понятно, что полагаться на китаиста Лауфера и археолога Фоука, которым только предстояло изучать языки, включая русский, ему не стоит. Нужны были российские коллеги. Довольно насыщенная сеть боасовских писем в Европе мало помогала для установления контактов в России. Сказывался языковой барьер, а кроме того, число российских ученых, которых он знал, был очень невелико. Все это заставляло его расширять главным образом академические границы *Res Publica Literaria* и искать российские контакты через политиков и администраторов. Более того, это расширение было сопряжено с административными трудностями по получению права на проведение полевых исследований от русского посланника в Вашингтоне Эрнеста Коцебу. Забегая вперед, отметим, что боасовское мастерство коммуникации с разного рода чиновниками в США и Германии оказалось плохо приложимо к российским реалиям. Вероятно, понимая эти трудности, Боас всегда пытался найти пути решения через ученых, которым он доверял. После консултации с геологами, направляющимися на геологический конгресс в Петербурге, и различными администраторами он убеждается в необходимость вступить в переписку с Василием Радловым, чье имя было ему известно по тюркологическим работам, вышедшим на немецком. Радлов был директором Музея антропологии и этнографии в Петербурге и известным этнографом и лингвистом, рожденным в Германии, но прожившим всю свою академическую жизнь в России. Николай Вахтин описал позицию Радлова, который взял на себя риск и предложил Боасу сотрудничать с двумя бывшими ссыльными — народовольцами Владимиром Йохельсоном и Владимиром Богоразом [Вахтин 2005]. Период неопределенности подходил к концу. Уже вскоре началась официальная переписка между Боасом и Йохельсоном, а позже к ней подключился Богораз. Теперь можно было заняться описанием исследовательской программы экспедиции и заключением рабочих контрактов.

Итак, через сложные сети переписки были сформированы две группы: Лауфер — Фоук и Йохельсон — Богораз, которые должны были изучать амурский и северо-восточный регионы соответственно. При этом группа Йохельсона и Богораз включала также их жен (Дина Йохельсон (Бродская) и София Богораз (Волкова)) и молодых сотрудников Александра Аксельрода и Нормана Бакстона. Полевая переписка, которая вошла в двухтомник архивных материалов, подготовленных нами к печати под названием «Бумажные мосты между Францем Боасом и российской антропологией» [Arzuytov et al. In press], является теми самыми «бумажными инструментами», которые позволили создавать антропологическое знание Боаса о северо-востоке Сибири, а затем и создавать свою берингоморскую теорию.

Стоит отметить, что в письмах также сообщалось и о тех политических сложностях, с которыми сталкивались исследователи. Здесь речь идет о двух эпизодах, которые потребовали от Боаса значительной мобилизации его сети контактов: преследования со стороны российских властей Йохельсона как неблагонадежного сотрудника, а также препятствия, чинимые все теми же властями по отношению к Лауферу из-за его еврейского происхождения. Боас оказывался в центре этих сложных переговоров, которые целиком осуществлялись по переписке.

Иными словами, боасовские сети писем в их российском измерении теперь охватывали как политические и административные круги США и Российской империи, так и далекие уголки Сибири. Наряду с этим, рабочая переписка

между Йохельсоном и Богоразом и их товарищами-народниками невидимо расширяла интеллектуальные связи Боаса. Именно благодаря ей старый друг Йохельсона и Богораз Лев Штернберг оказался вовлечен в Res Publica Literaria Боаса. Для этого было несколько причин. С одной стороны, многолетние обмены письмами из кабинетов и далеких сибирских стоянок привели к тому, что Йохельсон и Богораз смогли приехать в Нью-Йорк для первичной обработки своих полевых материалов. Это пребывание рядом с Боасом не только окончательно оформило их дружбу, но и дало возможность рассказать об их друге, ссыльном народнике Штернберге, который выучил нивхский язык и сделал уникальные описания нивхской культуры. С другой стороны, Боас оставался не удовлетворен работой Лауфера и Фоуке, которым не удалось выучить местные языки и материалы которых оставались для него малоинформативными. И чтобы дополнить их исследования, Боас решает пригласить Штернберга для написания книги для Джесуповской книжной серии, служившей итоговым отчетом работы экспедиции (историю этой публикации см.: [Grant 1999; Кап 2000]). Таким образом, Богораз, Йохельсон и Штернберг становятся частью боасовской Res Publica Literaria.

III

В этой части мы хотели бы рассказать о роли писем в поддержании отношений между Боасом и тремя российскими этнографами — Йохельсоном, Богоразом и Штернбергом — после завершения полевых работ Джесуповской экспедиции. Как видно по переписке, эти отношения постепенно из рабочих переросли в дружеские. Эти изменения можно разделить на два периода. Первый охватывает время до революций 1917 года, и относящаяся к нему переписка посвящена преимущественно обсуждению вопросов публикации материалов экспедиции. Второй период начинается с восстановления переписки между Боасом и «этнотройкой» (термин Богораз для описания группы Богораз, Штернберга и Йохельсона) в 1921 году. Социальная жизнь писем первого периода показывает их роль в производстве научных текстов. И несмотря на достаточную однообразность писем этого времени, они позволяют больше понять нам Боаса-редактора, который правит тексты своих друзей, стремится сделать их более стройными и соответствующими его идее дескриптивных этнографических публикаций. Дополнительная сложность в работе над этим проектом была связана с недостатком русско-английских билингв в его окружении, которые смогли бы сделать качественные переводы. Но опять же по переписке Боас знакомит Йохельсонов с Александром Голденвейзером, еврейским эмигрантом из Киева и одним из наиболее успешных своих учеников. Именно Голденвейзеру предстояло переводить «Коряков» Йохельсона (см.: [Кап 2023]). Письма второго периода — это во многом инструменты политической борьбы как внутри советской академии, так и между академиями Советской России/СССР и США. Кроме того, письма 1920-х годов — это еще и «бумажный мост», по которому, в частности, Владимиру и Дине Йохельсонам удается покинуть Россию и поселиться в Нью-Йорке, получая временные контакты от Боаса.

Перепиской между «этнотройкой», точнее, тремя семьями — Богоразов, Йохельсонов и Штернбергов — и Боасом в период между окончанием полевых

работ в рамках Джесуповской экспедиции и первым десятилетием XX века можно проиллюстрировать парадоксальную и во многом трагичную для наших героев ситуацию, которая сложилась в Петербурге. С одной стороны, полевой этнографический и лингвистический опыт вчерашних ссыльных, а затем и участников престижной международной экспедиции был крайне востребован в академической среде. Их приглашают писать научные тексты; некоторые из них даже преподают, как Штернберг, несмотря на все ограничения, вызванные все еще действующим антисемитским законодательством о «черте оседлости». С другой стороны, их интеграция в академический мир происходит крайне трудно: никто из них не может получить постоянной работы, которая приносила бы стабильный доход [Вахтин 2004; Михайлова 2004; Кан 2009]. Все это приводит к постоянным поискам работы. Так, Йохельсоны отчасти от постоянной нехватки средств, а отчасти из-за неиссякаемого интереса к сибирский этнографии и лингвистике отправляются в новую экспедицию на Камчатку (1909—1910), организованную молодым купцом-меценатом Федором Рябушинским. В этой связи довольно требовательные письма Боаса закончить рукописи к определенному сроку, вероятно, досаждали каждому из «этнотройки». Впрочем, Боасу удавалось «добывать» небольшие суммы денег под обещание скорейшей публикации материалов Джесуповской экспедиции и пересылать их своим российским друзьям. Иными словами, само поддержание переписки между Нью-Йорком и Петербургом/Петроградом в этот период было едва ли не жизненно важным для российских друзей Боаса.

Стоит отметить, что Боасу удалось собрать Йохельсонов и Богоразов у себя в летнем доме на озере Джордж в штате Нью-Йорк в 1903 году, что, как отмечает историк антропологии Дуглас Коул, положило начало крепкой дружбе между Боасом и Богоразом [Cole 2001: 41]. Несколькими годами позже Боас шел на самые сложные международные переговоры ради спасения Богораз, то и дело попадавшего в непростые ситуации.

Так, в 1905 и 1910 годах Богораз дважды оказывался в тюрьме из-за своей кипучей политической деятельности, которая брала свое начало в его народническом прошлом. Богораз состоял членом созданного Всероссийского крестьянского союза и в ноябре 1905 года, во время революционных событий в Москве, был арестован. После освобождения через две недели он не прекратил своей политической деятельности и продолжал работать над этнографическими и лингвистическими текстами вместе с написанием политических брошюр и художественных произведений под псевдонимом Тан. Обо всем этом мы читаем и в письмах к Боасу. Не удивительно, что отношения Богораз с властями оставались весьма натянутыми. 29 сентября 1910 года⁶ он информирует Боаса, что, вероятнее всего, скоро будет арестован на год. Этот эпизод разбирает в своей статье Игорь Кузнецов (см. в настоящем номере). Мы же только обратим внимание на роль писем в этой истории: непрерывающаяся дружеская переписка между Боасом и Богоразом (а во время ареста — с его женой Софией) довольно хорошо иллюстрирует власть писем.

Сидя в тюрьме, Богораз просит Боаса как можно скорее связаться с министром юстиции Иваном Щегловитовым, чтобы выручить его из заключения. Боас не только отправляет это письмо, но и обращается за письмом поддержки к президенту Американской антропологической ассоциации Уильяму Генри

6 Американское философское общество (APS), коллекция Франца Боаса.

Холмсу, что, насколько нам известно, стало самым ранним примером поддержки Американской антропологической ассоциации зарубежного коллеги-антрополога. Известно также и о намерении Софии Богораз, получившей письма о стремительном ухудшении здоровья ее мужа, написать совместное с Боасом письмо российскому монарху⁷, но было ли оно в конце концов написано, нам не известно. Как и в случае с Лауфером и Йохельсоном во время Джесуповской экспедиции, письма коллег и друзей превращались в инструменты сложных политических переговоров. Благодаря усилиям многих людей и множеству писем Богораз был освобожден, а уже в декабре он и Боас смогут ненадолго встретиться в Берлине. Но продлиться их переписке, обмену мыслями и рукописями оставалось, увы, недолго. Из-за начавшейся Первой мировой войны связи между Боасом и «этнотройкой» прерываются. В 1914 году пятидесятилетний Богораз уходит на фронт, где он работает военным корреспондентом для «Биржевых новостей» [Михайлова 2004]⁸. В это время Франц Боас, напротив, занимает не просто пацифистскую, но пораженческую позицию, что спустя годы будет удивлять Богораз⁹. Трудно сказать, следил ли кто-то из русскоязычного окружения Боаса за российскими газетами и сообщал ли об этом ему, но мы знаем точно из его переписки с президентом АМЕИ Генри Осборном, что Боас волновался за судьбу своих российских друзей¹⁰.

Разорванные связи восстановятся лишь в сентябре 1921 года благодаря письму Боаса, которое, несмотря на все трудности почтовой коммуникации, дойдет до Петрограда. Можно только представить ту радость, которую каждый из так называемой этнотройки испытал 8 сентября 1921 года, когда почтальон принес в здание Музея антропологии и этнографии на Университетской набережной в Петрограде конверт на имя Владимира Йохельсона¹¹. Радость от письма была особенной еще и потому, что весной того же года Штернберг и Йохельсон были арестованы и провели несколько дней в тюрьме во время Кронштадского мятежа как члены партии эсэров и были вызволены лишь благодаря поддержке Максима Горького [Кап 2009: 293—294]. Вполне возможно, что Владимир и Дина Йохельсоны в это время всерьез задумались об эмиграции. Да и для самого Боаса этот период был непростым. В 1919 году он опубликовал в журнале «The Nation» статью «Ученые как шпионы» [Boas 1919], где подверг резкой критике четырех американских антропологов, нанятых американским правительством для секретных исследований в Центральной Америке. За это выступление Боас был подвергнут цензуре Американской ассоциацией антропологов (продлится до 2005 года) и был «сослан» в Барнардский колледж в Нью-Йорке (см.: [Price 2001: 9; Stocking 1968: 270—307]). И вот теперь долгожданная связь со старыми друзьями наконец-то была восстановлена.

Зная о тяжелом экономическом положении в России, Боас незамедлительно отправляет Богоразу, Йохельсону и Штернбергу почтовые переводы по десять долларов каждому. Сентябрьское письмо радикально изменило судьбу всех участников этой истории. Йохельсоны смогут покинуть Петроград и поселиться в Нью-Йорке, проводя некоторое время также на Лазурном берегу,

7 APS, коллекция Франца Боаса. София Богораз — Боасу, 4 февраля 1911 года.

8 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 2. Ед. хр. 42, 108—112.

9 Тан [Богораз В.Г.]. Под флагом Р.С.Ф.С.Р. // Известия. 1924. 7 сентября. С. 2.

10 APS, коллекция Франца Боаса. Письма Боаса — Осборну, 31 января и 3 мая 1918 года.

11 Там же.

но продолжая жить на средства, получаемые ими от или через Боаса (об истории эмиграции Йохельсонов и невозвращении в Советский Союз см.: [Вахтин 2004]). Для оставшихся в России Штернберга и Богораза постоянно получаемые денежные переводы из Нью-Йорка будут существенным финансовым подспорьем, помогавшим выжить в непростое время 1920-х.

Стоит отметить, что фигура Штернберга в переписке советского времени представлена значительно меньше по ряду причин. Во-первых, вскоре после восстановления переписки, в 1927 году, он уйдет из жизни, а во-вторых — между Боасом и Штернбергом сохранялись теплые, но все же скорее рабочие отношения, что, возможно, было связано с приверженностью Штернберга эволюционизму, совершенно не совпадавшей с историческим партикуляризмом и миграционизмом Боаса. История же отношений Боаса и Богораза, напротив, — один из примеров того, как *Res Publica Literaria* Боаса продолжала свою жизнь даже в годы сталинской тирании, хотя их дружба и дала трещину в 1930-е годы (см.: [Кан 2006]).

Опираясь на архив(ы) Боаса, можно сказать, что он никогда не оставлял попыток возобновить масштабное сотрудничество с Советским Союзом. Как левого мыслителя его без сомнения интересовал «советский эксперимент». Он даже собирался посетить Советский Союз в 1925 году, но обстоятельства помешали его поездке. Более того, пока был жив Богораз (он умрет в 1936 году), который, хоть и не вступил в ряды ВКП(б), но успешно строил карьеру в советском Ленинграде и оформил то, что историки советской этнографии называют «ленинградской этнографической школой», Боас надеялся на организацию сотрудничества своих и советских студентов (см.: [Кан 2021]).

Север и Сибирь оставались теми регионами, которыми Боас, ставший к тому времени влиятельным теоретиком, продолжал интересоваться. В это же время Советский Союз начинает активно позиционировать свое присутствие в Арктике (Постановление ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года), что повлекло за собой не только череду публикации о правах на северные территории¹², но и мобилизацию ученых — таких как Богораз, который был в ту пору активным членом Комитета Севера. Богораз публикует не только статью в журнале «Огонек» под названием «Зачем нам нужны земли у полюса»¹³, но и ведет переписку с руководителями советской Академии наук о необходимости закрытия Арктики для зарубежных этнографов¹⁴. Богораз, скорее всего, отдавал себе отчет в том, что такого рода действия могут разрушить тот хрупкий «бумажный мост», который связывал его и Боаса на протяжении многих лет. Очевидно, что в переписке с Ольденбургом Богораз имеет в виду активность именно американских антропологов, а также той группы скандинавских антропологов, с большинством из которых его познакомил лично или опять-таки по переписке Боас. При этом сами письма Богораза к Боасу за этот период, взятые вне этого контекста, могут обманчиво привести читателя к заключению,

12 См., например: *Лахтин В.Л.* Права на северные полярные пространства. М., 1928.

13 *Богораз-Тан В.Г.* Зачем нам нужны земли у полюса // *Огонек*. 1926. № 21. С. 13–14.

14 СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 [т. 2] (1926). Ед. хр. 15. Л. 92–93. Богораз — Ольденбургу, 12 декабря 1926 года. Дмитрий Арзютов и Сергей Кан готовят отдельную статью о Богоразе, Боасе и несостоявшемся проекте изучения кольских саамов в контексте закрытия Советской Арктики для научных исследований западными учеными в 1920-е годы.

что к концу 1920-х годов у ученых вновь, как и в самом конце XIX века, возникло желание сотрудничества на Севере.

Именно здесь и стоит, вероятно, искать начало конфликта между Богоразом и Боасом, описанного Сергеем Каном [Кап 2006]. Стоит отметить, что Богораз очевидно надеялся, что его лавирование между советскими чиновниками и академическими партнерами в Европе и США не повлияет по крайней мере на студенческие обмены, которые они с Боасом начали планировать¹⁵. Все это, впрочем, сделало его фигуру в истории сибирской антропологии крайне противоречивой. И сегодня, когда Российская Арктика вновь закрывается для иностранных исследователей, имя Богоразов всплывает в дискуссиях коллег, размышляющих об интеллектуальных последствиях длившегося десятилетиями прекращения научного сотрудничества на Севере.

IV

Границы боасовской *Res Publica Literaria* не ограничивались членами «этнотройки». Студенты Штернберга и Богоразов многократно слышали об их американском друге и коллеге, с которым их учителя состояли в переписке. Боас к этому времени в глазах многих его коллег стал приобретать черты особого человека: «папой Францем» его называли студенты, «выдающимся ученым» он стал для российских коллег. Некоторые из студентов Богоразов и Штернберга в ситуации политической и экономической неопределенности, пришедшейся на их век, решались написать самому Боасу, минуя его «представителей» в России. Они понимали не только значимость фигуры Боаса, но и собственную роль писем как важнейших «бумажных инструментов» в академической инфраструктуре. Они, вероятно, также прекрасно понимали, что подключение к сетям писем могло изменить их судьбу. Мы хотим здесь кратко затронуть две истории, произошедшие вскоре после Октябрьской революции и в год начала Большого террора.

Первая история — история Сергея (1887—1939) и Елизаветы (1884—1943) Широкогоровых — пары российских антропологов-тунгусоведов, оказавшихся в октябре 1917 года во Владивостоке, а затем перебравшихся в Китай (см.: [Anderson, Arzyutov 2019]). Сергей был учеником Штернберга, сохраняя с ним теплые отношения до начала 1920-х годов, когда он вместе с женой вопреки рекомендации Штернберга покинул революционный Петроград, поселившись во Владивостоке и ведя там преподавательскую и политическую деятельность. Дальнейшая переписка показывает постепенно нараставшее глубокое разочарование Широкогорова формирующейся академической политикой Советской России. На вежливые предложения Штернберга вернуться в Музей антропологии и этнографии, где для него сохранялась позиция заведующего отделом антропологии, он отвечал молчанием. К этому времени Широкогоров занял довольно консервативную позицию, и в переписке со своими коллегами, покинувшими Россию, а также в политических брошюрах вышедших, как во Вла-

15 Истории советской студентки Юлии Аверкиевой, проведеншей совместные полевые исследования с Боасом в Британской Колумбии, и американского студента-индейца нез-перс Арчи Финни, получившего кандидатскую степень в СССР, см.: [Кузнецов 2018; 2020].

дивостоке, так и в Китае, небольшая часть из которых сохранилась, он весьма иронично отзывался о народнических взглядах Штернберга, отдавая предпочтение монархическим идеям (см. о политике Широкогоровых в: [Arzuytov 2019]). На фоне скитаний, экономического и политического кризиса Широкогоров полностью разорвал отношения со Штернбергом, а вскоре и со всеми коллегами, оставшимися в Советской России.

Однако это не мешало ему все же использовать ресурс боасовской *Res Publica Literaria* и силу имени Штернберга. Первое письмо Широкогорова к Боасу от 10 мая 1920 года, вероятно, утрачено безвозвратно. Ожидая ответа на него, Широкогоров как этнограф, интересующийся физической антропологией, вступает в переписку с Алешом Хрдличкой, коллегой Штернберга и Боаса, с которым у последнего были довольно непростые отношения по целому ряду причин, включая тот факт, что антропологи из Смитсоновского института, где работал Хрдличка, были активно вовлечены в цензурирование Боаса в 1919 году [Price 2001]. Более того, известно, что проводимые Хрдличкой исследования по физической антропологии нарушали этические нормы даже для того времени, что, конечно, не могло не раздражать Боаса (см.: [Brandon 2020]).

Переписываясь с Хрдличкой, Широкогоров просил найти для себя место работы в США. Можно предположить, что Хрдличка, которого интересовало антропологическое изучение коренного населения Сибири и который оказался одним из последних американских археологов и антропологов того времени, проводивших полевые работы на Дальнем Востоке, рассматривал временное трудоустройство Широкогорова как начало интересного для себя сотрудничества. Именно поэтому он берет инициативу в свои руки и обращается к Боасу¹⁶ с рекомендацией Широкогорова как «человека со способностями», которому можно было бы найти подходящую стажировку в США. Мы не знаем точно, что именно побудило Боаса ответить Широкогорову в такой форме, но письмо от 13 июля 1920 года¹⁷ не оставляет сомнений, что он решил для себя не помогать молодому ученому из Владивостока: «...мне кажется, что единственная надежда для Вас и Вашего народа — это признать ту явную силу, которая движет социальное развитие России (читай: признать советскую власть. — *Авт.*), и извлечь из нее максимум пользы, пытаясь на данной основе построить более счастливое будущее». Иными словами, вместо возможных вариантов трудоустройства, которые он буквально год спустя сможет предложить Йохельсону, Боас рекомендует Широкогоровым вернуться в Петроград. Предсказуемо Широкогоровы не последовали этому совету, оставшись во Владивостоке, где Сергей примкнул к так называемому Несоциалистическому движению (известному в то время на Дальнем Востоке как «несосы»), тем самым отрезав все пути для сотрудничества с советской властью. Несмотря на досаду, он все же еще раз постарался убедить Боаса 10 декабря 1922 года, когда писал ему: «...через несколько месяцев после того, как я получил Ваше письмо, общие условия во Владивостоке позволяли мне вернуться обратно. Я пытался реализовать Ваш совет работать на Россию в России. После года политической борьбы и борьбы за жизнь большинство моих коллег по университету, как и я, уехали из Владивостока в другие страны»¹⁸. Тут важно отметить, что эта пере-

16 APS, коллекция Франца Боаса. Широкогоров — Боасу, 10 июля 1920 года.

17 Там же.

18 Там же.

писка пришлось на то время, когда происходило падение белого движения на Дальнем Востоке и Широкогоровы, не имея никакого иного выхода, переезжали в Китай, одновременно с этим безуспешно пытаясь найти работу в Японии. Не получив никакого ответа, Широкогоров в последний раз напоминает Боасу о себе в письме от 6 ноября 1923 года: «Я не считаю полезным для успеха моих исследований немедленное возвращение в Петроград, несмотря на весьма неблагоприятные условия моей работы в Шанхае. Я всегда надеюсь, что в США для меня можно найти именно то, что мне нужно»¹⁹. Ответа опять не последовало...

Спустя немногим более пятнадцати лет Боас повторит свой отказ, но уже в отношении молодого ленинградского студента-эскимосола Богораза Александра Форштейна (1904—1968) (см. о нем: [Krupnik, Mikhailova 2006]). Талантливый лингвист и этнограф, он оказался в очень непростой ситуации после смерти своего учителя Богораза в 1936 году. К этому времени, как мы отметили выше, Богораз проводил довольно амбивалентную политику фактического ограничения полевых работ антропологов-иностранцев на территории Советской Арктики, но при этом стремился к продолжению сотрудничества с западными коллегами через студенческие обмены и обмены музейными коллекциями. Скандинавские антропологи и археологи в это же самое время сформировали Комитет международных исследований по арктической антропологии, который, как планировалось, должен был организовать множество экспедиций для совместного изучения Евразийского Севера²⁰. Несмотря на принципиальную неосуществимость этих планов, Богоразу все-таки удалось организовать стажировку для своего студента Форштейна в Датском национальном музее. Понимая катастрофичность ситуации в Ленинграде и в Советском Союзе в целом, Форштейн (а может быть, и Богораз), вероятно, надеялся получить работу в том же музее по окончании стажировки. Но тут приходит весть о смерти Богораза 10 мая 1936 года в поезде по дороге из Ленинграда в Ростов-на-Дону. Форштейн ошеломлен. Он остался без того человека, который мог бы помогать ему в Ленинграде и протезировать в Дании. Скорее всего, он хорошо понимал, что все проекты по сотрудничеству антропологов, которые Богораз хоть противоречиво, но все-таки поддерживал, без сомнения рухнут. В полном отчаянии он пишет письмо Боасу 30 июня 1936 года:

Я искренне убежден, что работа в течение года или двух под Вашим руководством, особенно после смерти профессора Богораза, будет иметь самое существенное значение для моей научной подготовки, хотя я затрудняюсь сказать определенно, какого рода работу, я могу выполнять вместе с Вами. <...> Могу я добавить, что для меня было бы очень важно получить Ваш любезный ответ, пока я нахожусь в Копенгагене (отъезд 25 июля)²¹.

Боас оказался очень занят. Как мы знаем сегодня благодаря скрупулезному анализу его архивов, он активно помогал вывозить своих коллег из нацистской Германии и был предсказуемо завален просьбами о помощи²². Увы, пись-

19 APS, коллекция Франца Боаса.

20 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 10—16.

21 APS, коллекция Франца Боаса.

22 Подробнее об этом см. в эпиллоге, написанном Игорем Крупником к нашей архивной антологии [Arzyutov et al. In press].

мо от молодого советского этнографа, живущего в Дании, не попало в число приоритетных.

Только 20 августа 1936 года, то есть почти два месяца спустя после того, как Форштейн отправил свое письмо, Боас отвечает:

Прошу прощения за долгую задержку с ответом на Ваше письмо от 30 июня. Я отсутствовал в городе с момента получения письма и, признаюсь, не знал, что ответить. В этом году я отошел от активной преподавательской деятельности, и, хотя я всегда рад обсуждать вопросы с молодыми учеными, я не могу взять на себя руководство какой-либо новой систематической работой. Тем не менее я верю, что работа в Америке может быть Вам очень полезна, но я не знаю, что предложить. К сожалению, средства, находящиеся в нашем распоряжении, с начала этого года сильно сократились, и единственное, что я мог бы вам предложить, — это составить для Вас определенный план того, что Вам предстоит сделать и который я могу представить Американскому философскому обществу. Как я написал в недавнем письме доктору [Каю] Биркету Смит²³, я считаю смерть Богораза большой потерей как для себя, так и для науки²⁴.

Фактически это был отказ в предоставлении помощи Форштейну. Мы можем лишь строить предположения, догадывался ли Боас о начале того, что станет известно как Большой террор [Кан 2021], и вместе с этим мог ли он подозревать, насколько тяжелой окажется жизнь Форштейна по возвращении в Ленинград. Но это лишь наши догадки... К моменту получения боасовского письма Форштейн уже сошел с трапа корабля в Ленинграде, где он вскоре будет арестован по делу Института народов Севера и проведет больше десяти лет в сибирских лагерях. Освободившись в 1948 году, он никогда больше не вернется к занятиям этнографией.

Вчитываясь в эти документы, мы можем смотреть на истории этих двух отказов как на столкновение с границами *Res Publica Literaria*, создаваемой Боасом. Его письменные переговоры с меценатами и министрами, коллегами и людьми в поле имели своей целью не только строить мосты, но порой и возводить стены. Его *Res Publica Literaria* при всей кажущейся эгалитарности имела и свои охраняемые границы. Столкновение с ними разрушало иллюзии одних (Широкогоровы), или могло повесить жизнь на волоске от смерти для других (Форштейн). Не стоит, однако, вычитывать в это демиургической власти Боаса или его как будто бы всестороннего знания о том, что происходило на окраинах рушащейся империи или в Ленинграде, взятом в тиски сталинской тиранией. Эти истории говорят нам скорее о власти писем как материальных субъектов истории, вовлеченных в сложную академическую дипломатию первой половины XX века и транспортировавших не только знания, но надежды и разочарования. Написанные в минуты отчаяния, они могли застичь своего адресата врасплох, заставляя взять длинную паузу, чтобы постараться разрешить трудности, изложенные в письме. Пересекаясь на пути своего движения с другими письмами, первые могли быть отложены или оказаться на самом дне выростшей за время отсутствия адресата пачки. Более того, эти пересече-

23 Кай Биркет Смит был одним из активных членов Комитета международных исследований по арктической антропологии.

24 APS, коллекция Франца Боаса.

ния писем могли приводить к невольному построению социальных сетей в голове адресата и, как следствие, к отказу в просьбе. Именно на границах Res Publica Literaria эти метаморфозы жизни писем особенно интересны для истории антропологии.

* * *

Очерчивая для себя границы боасовской Res Publica Literaria, читатель может прийти к заключению, что мир писем Боаса, объединявший огромное число людей и институтов во всем мире, ушел в историю вместе с последним его адресатом. Однако это не совсем так. Проведя несколько лет в архивах в разных странах и восстанавливая по фрагментам эту Res Publica Literaria, мы и сами стали ее частью: сначала в разные периоды времени как студенты-антропологи, которые слушали лекции о вкладе Боаса в американскую культурную антропологию и с жадностью штудировали его тексты, а затем внимательно прочитывали сотни его писем на разных языках, чтобы понять, как он думал и кто входил в круг его единомышленников. Работа с архивом Боаса неизбежно вовлекала нас самих в сети его писем, и мы не только воссоздавали тематические, географические и персональные узлы переписки, но и пересобирали интеллектуальные генеалогии тех идей, которые составляют основу антропологии, как мы ее понимаем сегодня (этноистория и историческая антропология для Дмитрия Арзютова и Сергея Кана и лингвистическая антропология для Лауры Сирагузы), и стилей рассуждения, которым мы продолжаем следовать. Res Publica Literaria Франца Боаса, создававшаяся тысячами страниц корреспонденции, была обнесена прочными стенами, преодолеть которые удавалось далеко не всем. Однако эти стены оказались весьма пористыми, будучи помещенными в папки и коробки, а затем упорядоченные на стеллажах в длинных архивных коридорах, где наши предшественники и мы их читали. Распутывание сети писем Боаса столкнуло нас, авторов этой статьи, со своеобразной географией его идей. Она оказалась сетью путей, пройдя по которым можно проследить развитие его мыслей, и пространством новых личных встреч с прошлым антропологии, в диалоге с которым развиваются наши идеи сегодня. В результате использования такого антропологического взгляда на историю антропологии исследование жизни и писем самого Боаса как материальных артефактов позволяет нам расширить пространство антропологии и бесконечно дискутировать с ее прошлым.

Библиография / References

[Вахтин 2004] — Вахтин Н.Б. «Наука и жизнь»: судьба Владимира Йохельсона (по материалам его переписки 1897—1934 гг.) // Bulletin: Anthropology, Minorities, Multilingualism. 2004. № 5. С. 35—49.

(Vakhtin N.B. "Nauka i zhizn'": sud'ba Vladimira Iokhel'sona (po materialam ego perepiski 1897—1934 gg.) // Bulletin: Anthropology, Minorities, Multilingualism. 2004. No. 5. P. 35—49.)

[Вахтин 2005] — Вахтин Н.Б. Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участ-

- ники // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 241—274.
- (Vakhtin N.B. Tikhookeanskaya ekspeditsiya Dzhesura i ee russkie uchastniki // Antropologicheskii forum. 2005. No. 2. P. 241—274.)
- [Кан 2021] — Кан С.А. Франц Боас и Советская Россия: 25 лет амбивалентности // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. С. 40—61.
- (Kan S.A. Frants Boas i Sovetskaya Rossiya: 25 let ambivalentnosti // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2021. No. 1. P. 40—61.)
- [Кузнецов 2018] — Кузнецов И.В. «Последняя экспедиция» (из истории русско-американского сотрудничества в изучении коренных малочисленных народов) // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 53—69.
- (Kuznetsov I.V. "Poslednyaya ekspeditsiya" (iz istorii russko-amerikanskogo sotrudnichestva v izuchenii korennykh malochislennykh narodov) // Etnograficheskoe obozrenie. 2018. No. 3. P. 53—69.)
- [Кузнецов 2020] — Кузнецов И.В. «Просто молодой турист в нашей стране»: лингвист и антрополог нез-перс Арчи Финни // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 53—83.
- (Kuznetsov I.V. "Prosto molodoy turist v nashey strane": lingvist i antropolog nez-pers Archi Finni // Antropologicheskii forum. 2020. No. 47. P. 53—83.)
- [Михайлова 2004] — Михайлова Е.А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин и В.А. Тишков. М.: Наука, 2004. С. 95—134.
- (Mikhaylova E.A. Vladimir Germanovich Bogoraz: ucheny, pisatel', obshchestvenny deyatel' // Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka / Ed. by D.D. Tumarkin, V.A. Tishkov. Moscow, 2004. P. 95—134.)
- [Ушакин, Голубев 2016] — XX век: Письма войны / Под ред. С. Ушакина, А. Голубева. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- (XX vek: Pis'ma voyny / Ed. by S. Ushakin, A. Golubev. Moscow, 2016.)
- [Хархордин 2009] — Что такое республиканская традиция / Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.
- (Chto takoe respublikanskaya traditsiya / Ed. by O.V. Kharkhordin. Saint Petersburg, 2009.)
- [Anderson, Arzyutov 2019] — Anderson D.G., Arzyutov D.V. The Etnos Archipelago: Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // Current Anthropology. 2019. Vol. 60. No. 6. P. 741—773.
- [Arzyutov 2019] — Arzyutov D.V. Order Out of Chaos: Anthropology and Politics of Sergei M. Shirokogoroff // In Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond / Ed. by D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, S.S. Alymov. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019. P. 249—291.
- [Arzyutov 2022] — Arzyutov D.V. Briefe in schwierigen Zeiten, in denen Boas „nein“ sagte: Zwei Erzählungen zu den Rändern von Franz Boas' *Res Publica Literaria* // Franz Boas — die Haltung eines Wissenschaftlers in Zeiten politischer Umbrüche. Fürstenberg; Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2022. S. 163—180.
- [Arzyutov et al. In press] — Paper Bridges Between Franz Boas and Russian Anthropology / Ed. by D. Arzyutov, S. Kan, L. Siragusa, A. Pershai. Lincoln: University of Nebraska Press: In 2 vols. (In Press.)
- [Arzyutov, Kan 2017] — Arzyutov D.V., Kan S.A. The Concept of the 'Field' in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective // Sibirica. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 31—74.
- [Boas 1903] — Boas F. The Jesup North Pacific Expedition // American Museum Journal. 1903. Vol. 3. No. 5. P. 73—119.
- [Boas 1919] — Boas F. Scientists as Spies // The Nation. Vol. CLIX. No. 2842. P. 797.
- [Brandon 2020] — Brandon M.A. The Racial World of Aleš Hrdlička: PhD Thesis. München: Ludwig Maximilians Universität München, 2020.
- [Casanova 2004] — Casanova P. The World Republic of Letters. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004.
- [Cavanaugh, Shankar 2017] — Language and Materiality: Ethnographic and Theoretical Explorations / Ed. by J.R. Cavanaugh, S. Shankar. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- [Clifford, Marcus 1986] — Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography / Ed. by J. Clifford, G.E. Marcus. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1986.
- [Cole 1999] — Cole D. Franz Boas: The Early Years, 1859—1906. Seattle: University of Washington Press, 1999.
- [Cole 2001] — Cole D. The Greatest Thing Undertaken by Any Museum? Franz Boas, Morris Jesup, and the North Pacific Expedition // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897—1902 / Ed. by I. Krupnik, W.W. Fitzhugh. Washington, D.C.: Arctic Studies Center, NMNH, Smithsonian Institution, 2001. P. 29—70.
- [Foks 2020] — Foks F. Constructing the Field in Interwar Social Anthropology: Power, Personae, and Paper Technology // Isis. 2020. Vol. 111. No. 4. P. 717—739.

- [Glass 2018] — *Glass A.* Drawing on Museums: Early Visual Fieldnotes by Franz Boas and the Indigenous Recuperation of the Archive // *American Anthropologist*. 2018. Vol. 120. No. 1. P. 72—88.
- [Goodman 1996] — *Goodman D.* The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996.
- [Grant 1999] — *Grant B.* Foreword // L. Shternberg. The Social Organization of the Gilyak / Ed. by B. Grant. New York: American Museum of Natural History, 1999. P. xxiii—lvi.
- [Gupta, Ferguson 1997] — *Gupta A., Ferguson J.* Discipline and Practice: 'The Field' as Site, Method, and Location in Anthropology // *Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science* / Ed. by A. Gupta, J. Ferguson. University of California Press, 1997. P. 1—46.
- [Hess, Mendelsohn 2010] — *Hess V., Mendelsohn J.A.* Case and Series: Medical Knowledge and Paper Technology, 1600—1900 // *History of Science*. 2010. Vol. 48. No. 3—4. P. 287—314.
- [Hull 2012] — *Hull M.S.* Documents and Bureaucracy // *Annual Review of Anthropology*. 2012. Vol. 41. P. 251—267.
- [Jardine 2017] — *Jardine B.* State of the Field: Paper Tools // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*. 2017. Vol. 64. P. 53—63.
- [Kan 2000] — *Kan S.* The Mystery of the Missing Monograph: Or Why Shternberg's 'The Social Organization of the Gilyak' Never Appeared Among the Jesup Expedition Publications // *European Review of Native American Studies*. 2000. Vol. 14. No. 2. P. 19—38.
- [Kan 2006] — *Kan S.* 'My Old Friend in a Dead-End of Empiricism and Skepticism': Bogoras, Boas, and the Politics of Soviet Anthropology of the Late 1920s—Early 1930s. // *Histories of Anthropology Annual*. 2006. Vol. 2. P. 33—68.
- [Kan 2009] — *Kan S.* Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.
- [Kan 2023] — *Kan S.* A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2023.
- [Kendall, Krupnik 2003] — *Constructing Cultures Then and Now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition* / Ed. by L. Kendall, I. Krupnik // *Contributions to Circumpolar Anthropology*. Vol. 4. Washington, D.C.: Arctic Studies Center, NMNH, Smithsonian Institution, 2003.
- [Klein 2001] — *Klein U.* Paper Tools in Experimental Cultures // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*. 2001. Vol. 32. No. 2. P. 265—302.
- [Kohler 2019] — *Kohler R.E.* Inside Science: Stories from the Field in Human and Animal Science. Chicago; London: University of Chicago Press, 2019.
- [Krupnik 2016] — *Early Inuit Studies: Themes and Transitions, 1850s—1980s* / Ed. by I. Krupnik. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Scholarly Press, 2016.
- [Krupnik, Fitzhugh 2001] — *Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897—1902* / Ed. by I. Krupnik, W. Fitzhugh // *Contributions to Circumpolar Anthropology*. Vol. 1. Washington, DC: Arctic Studies Center, 2001.
- [Krupnik, Mikhailova 2006] — *Krupnik I., Mikhailova E.A.* Landscapes, Faces, and Memories: Eskimo Photography of Aleksandr Forshtein, 1927—1929 // *Alaska Journal of Anthropology*. 2006. Vol. 4. No. 1—2. P. 92—113.
- [Müller-Wille 2014] — *Müller-Wille L.* The Franz Boas Enigma: Inuit, Arctic, and Science. Montréal: Baraka Books, 2014.
- [Price 2001] — *Price D.H.* 'The Shameful Business': Leslie Spier on the Censure of Franz Boas // *History of Anthropology Newsletter*. 2001. Vol. 28. No. 2. P. 9—12.
- [Rapport 1991] — *Rapport N.* Writing Fieldnotes: The Conventionalities of Note-Taking and Taking Note in the Field // *Anthropology Today*. 1991. Vol. 7. No. 1. P. 10—13.
- [Sanjek 1990] — *Fieldnotes: The Makings of Anthropology* / Ed. by R. Sanjek. Ithaca; London: Cornell University Press, 1990.
- [Sanjek, Tratner 2015] — *eFieldnotes: The Makings of Anthropology in the Digital World* / Ed. by R. Sanjek, S. Tratner. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.
- [Siragusa, Virtanen 2021] — *Siragusa L., Virtanen P.K.* The Materiality of Languages in Engagements with the Environment // *Multilingua*. 2021. Vol. 40. No. 4. P. 421—431.
- [Stocking 1968] — *Stocking G.W.* Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. New York; London: The Free Press, Collier-Macmillan Limited, 1968.
- [Zumwalt 2019] — *Zumwalt R.L.* Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019.
- [Zumwalt 2022] — *Zumwalt R.L.* Franz Boas: Shaping Anthropology and Fostering Social Justice. Lincoln: University of Nebraska Press, 2022.